

Т. А. Мошина (Петрозаводск)

СКАЗИТЕЛЬ ИЗ КОСМОЗЕРА ИВАН КАСЬЯНОВ

Биографии заонежских сказителей Рябининых, В. П. Щеголенка, И. А. Федосовой давно изучены и широко известны. А об Иване Аникеевиче Касьянове до последнего времени знания были весьма скудны. «Мы еще далеко не все знаем о деятельности Касьянова», — писал К. В. Чистов в 1982 году¹.

Привлеченные мной архивные материалы, хранящиеся в фондах столичных библиотек, забытые свидетельства очевидцев, встречавшихся со сказителем, дали возможность пополнить представление об этом незаурядном для своего времени человеке. Один из современников Касьянова И. Ф. Тюменев был поражен достоинством, с которым вел беседу сказитель, его природным умом и юмором, обширностью знаний. Тюменев написал в очерке «По Обонежью», напечатанном в журнале «Нива» в 1897 году: «Иван Аникеевич обладает замечательной памятью, благодаря которой владеет почти неисчислимым запасом былин, старинных песен, местных преданий, разного рода стихотворных сказов, частью нравоучительного, частью юмористического содержания»².

Иван Аникеевич Касьянов, как показали уже известные и вновь собранные мной материалы, был сказителем, исполнителем, собирателем и пропагандистом народного творчества, биографом и мемуаристом и даже участником Антропологической выставки 1879 года. Приведем данные из его биографии.

Родина сказителя и его жизнь в деревне

И. А. Касьянов родился 4 (14) декабря 1825 года в старинном селе Космозеро, раскинувшемся на берегу одноименного озера. Космозерский погост был известен по писцовым книгам с XVI века и когда-то был частью Спасского Кижского погоста, но позже разросся и к XVIII веку стал центром большой округи. Погост славился двумя своими церквями — зимней шатровой Успенской церковью (1720 г.) и летней, тоже шатровой, церковью Александра Свирского (1770 г.). Ансамбль органично дополняла высокая

© Т. А. Мошина, 2000

¹Чистов К. В. Северорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX века // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 60

²Тюменев И. Ф. По Обонежью // Нива. 1897. № 3. С. 58

стройная колокольня. Все сооружения были далеко видны с озера и с подъездных дорог и составляли красивейший комплекс, который мог соперничать со многими архитектурными ансамблями Русского Севера¹.

Из Космозера вышло несколько династий петербургских купеческих семей, которые регулярно оказывали финансовую поддержку причту. Местные купцы Изотовы построили на свои деньги здание земской школы.

Здесь издавна были крепки корни старообрядчества. Иван Филиппов в «Истории Выговской пустыни» нередко упоминает выходцев из этого села: плотника Павла Лаврентьева, смолокура Матфея — «велми трудолюбивого и пребывавшего в труде до самой старости». Один из представителей выговской литературной школы Трифон Петров (1660—1766) был выходцем из Космозера. В деревнях Заонежья бытовала традиция посещать по большим церковным праздникам Выговское общежительство, отправлять туда детей для обучения грамоте и ремеслам. Поэтому во многих семьях хранились привезенные из общежительства иконы, книги поморского письма, культовые предметы медного литья.

В Космозере жила прославленная династия иконописцев Абрамовых, основатель которой учился у выговских мастеров. Абрамовы занимались крестьянским трудом и писали иконы для окрестных церквей, расписывали четкими, как в выговских книгах, растительными орнаментами сани, дуги, прялки².

В середине XIX века в село Космозеро входило три деревни: Погост, Демидово и Артово, около ста дворов с пятьюстами жителей. Отец сказителя Касьянова — Аника Устинов, как и большинство жителей Заонежья, «имел мастерство плотника и земледельца», прожил долгую жизнь и умер восьмидесяти трех лет от роду в 1864 году. Мать, Мавра Назарова, пережила мужа только на год и умерла восьмидесяти лет от роду. Семья проживала в большом доме (по словам современников, «солидном») с дворовыми постройками.

Грамоте мальчика обучил крестьянин Егор Иванович Хлопов. Довольно долго (до 35 лет) Касьянов, как и другие члены его семьи, был приверженцем беспоповства. Вероятно, он неоднократно посещал Выговскую обитель по престольным праздникам. После известного разгрома общежительства в 1854 году в мировоззрении Касьянова постепенно наступает перелом. В 1860 году он вместе с родителями, сестрой и теткой обратился в единоверие³. Однако сильная выговская литературная школа не

¹Смирнова Э. С. По берегам Онежского озера. Л., 1969. С. 75.

²Филиппов Иван. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб, 1862. С. 289, 296; Труды отдела древнерусской литературы. Т. 40. Л., 1985. С. 165; *Большова К. А.* Крестьянская живопись Заонежья // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 57—59; *Петтурсен Л.* Иконное мастерство в Заонежье // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М., 1994.

³Русская старина. 1872. № 12. С. 696.

могла не оказать на него своего влияния. И его всесторонние познания — духовные стихи, притчи, сатирические сказки, нравоучительные повествования, основы знахарства — идут, скорее всего, от выговских старцев-грамотеев. Из общежительства Касьянов вывез большое число книг и огромную икону «Николай Чудотворец», отмеченные в его доме Г. О. Дютшем и Ф. М. Истоминым в 1886 году.

Всю жизнь Касьянов не расставался с крестьянским трудом, занимался рыбной ловлей, извозом. Он пользовался уважением односельчан и выполнял различные общественные поручения. Его избирали сборщиком средств для устройства и украшения единоверческой церкви, дважды — волостным судьей.

Теперь нам известно и портретное изображение сказителя, выполненное художником В. Павловым во время путешествия по Русскому Северу в 1886 году.

Гравюра Пястушкевича с этого портрета была помещена в книге К. К. Случевского «По северо-западу России»⁶. Сказителю на портрете 61 год. Он изображен в профиль одетым в добротный крестьянский полукафтан. Вид у него весьма уверенного, знающего себе цену человека, умудренного опытом. Художник, стремясь подчеркнуть его вклад в русскую литературу, дал портрет Касьянова, заключенный в овал, в нижнем правом углу листа. А большую часть листа занимает изображение воспетого Касьяновым былинного богатыря Добрыни Никитича, восседающего на коне, на фоне бескрайних русских просторов.

Касьянов-сказитель. Об источниках его творчества

Былины и духовные стихи будущий сказитель слышал, по всей вероятности, с детства. По стародавнему обычаю жители многих заонежских деревень ежегодно посещали крупнейшие в крае ярмарки в Шуньге. А там всегда собирались целые ватаги бродячих певцов, в репертуаре которых были духовные стихи, былины, притчи. Таких певцов неоднократно слушал и П. Н. Рыбников, первооткрыватель эпоса в Карелии. Мог бывать на ярмарках и Касьянов.

А. Ф. Гильфердингу он рассказывал о том, что выучился петь старины от своих земляков во время рыбной ловли. Благодаря статье, помещенной в «Олонецких губернских ведомостях» в 1872 году, можно уточнить, что Касьянов слушал певцов Филиппа Клементьевича Сизого, Трифона Ивановича Злобина, а петь учился у односельчанина Ивана Егоровича Сперова, с которым вместе рыбачил, и у знаменитого тогда певца — Михаила Слепого⁷.

⁶Случевский К. К. По северо-западу России. СПб, 1894. С. 393

⁷Олонецкий певец былин Касьянов в Москве // ОГВ. 1872. № 39. С. 406—407.

Касьянов был знаком и дружен с Рябиниными. Иван Иванович Касьянов вспоминал, как однажды к отцу приезжал Иван Трофимович Рябинин и между ними состоялось своеобразное состязание⁸.

Исследователи отмечают, что тексты Касьянова «устойчивы и отличаются хорошей разработкой деталей», развернутостью изложения событий. Однако единого мнения об источниках былин Касьянова нет. Например, Ю. А. Новиков предположил, что все тексты былин Касьянов перенял от более талантливого А. Чукова и, возможно, из газет⁹.

После исторической встречи в Челмужах с А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года и выступления в Российском географическом обществе осенью того же года Касьянов понял значимость своего таланта и тех духовных богатств, которые он усвоил в течение своей жизни. Он совершенствовал свое знание былин, исполнительское мастерство, восстановил некоторые забытые им тексты былин от Иуды Егорова, тексты духовных стихов от Петра Дьячкова. Причем он так точно со слуха переписывал тексты: с сохранением местного говора, повторяющихся предложений, частиц, необходимых для сохранения ритма, что, по мнению Ю. А. Новикова, у него «могли бы поучиться профессиональные филологи»¹⁰.

В репертуаре Касьянова — двадцать былин, исторические песни, баллады, заговоры, местные предания, духовные стихи («Аи, девица Пречистая Богородица», «Пресвятая мать Благословенная», «О Страшном суде», об Иосифе, «Книга Голубиная»), сатирические и нравоучительные сказки («Разговор о пьянстве», «Об упрямой жене»). Память у Касьянова действительно была замечательной. Так, былина «Добрыня и змей» насчитывает 589 стихов и сказитель читал ее, не допуская, но замечанию В. С. Бахтина, «вольностей». Сравнительный анализ текстов, записанных А. Ф. Гильфердингом и Ф. М. Истоминым, показал также и то, что Истомин и Дютш, опубликовав текст «Как птицы за морем живут», убрали из нее социально заостренные места, строки, в которых была изложена крестьянская мечта о всеобщем равенстве. А в тексте: «Еще ли за Дунайским морем лев-то зверь был мясник» во второй строчке сгладили характеристику царя зверей и записали: «Лев у нас за морем местник», то есть правитель¹¹.

Текст былины «Вольга и Микула» считается, наряду с рябининским, наиболее полным и художественным. Персонажи былины наделены яркими образными характеристиками, дается подробное описание их костюмов. Например:

⁸Астахова А. М. Былина в Заонежье // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 80

⁹Гельман В. Сказитель И. А. Касьянов // Ленинская правда. 1956. № 94. С. 3.

¹⁰Новиков Ю. А. Еще раз об источниках былин И. А. Касьянова // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1971. С. 193, 204.

¹¹Бахтин В. С. Дополнения к сборнику А. Ф. Гильфердинга / Былины И. А. Касьянова // Русский фольклор. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 223—227.

*«...у оратая кудри качаются,
 Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
 У оратая сапожки зелен сафьян,
 Вот шилом пяты, носы востры,
 У оратая шляпа пуховая,
 А кафтанчик у него черна бархата»¹².*

Интересно и то, что Касьянов со знанием дела относился к текстам и мог даже по-своему трактовать некоторые места. Так, пропев «Книгу Голубиную» на вечере в Московском университете в апреле 1872 года, сказитель пояснил, что ее содержание происходит из апокрифического «Евангелия Иоанна Богослова», и пожалел, что упустил то место, где говорится о том, что эту книгу до Иоанна Богослова пел пророк Исайя¹³.

Современники отмечали и то, что мелодии былин, исполняемых Касьяновым, «разнятся».

Былины, духовные стихи, записанные от И. А. Касьянова, вошли во второй том «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга (СПб, 1896), книгу «Песни русского народа» (СПб, 1894), составленную Ф. С. Истоминым и Г. О. Дютшем, сборник «Русские былины старой и новой записи» под редакцией Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера (М., 1894) и другие издания.

Касьянов — исполнитель и популяризатор народного творчества

Касьянов неоднократно исполнял былины, духовные стихи, сказки и другие произведения в разных городах и был подлинным пропагандистом народного творчества.

Впервые и, скорее всего, по инициативе А. Ф. Гильфердинга Касьянов выступил в Российском географическом обществе осенью 1871 года. Позднее он выступал в этом обществе, как удалось уточнить, еще в марте 1889 года и в 1892 году.

30 апреля 1872 года Касьянов по приглашению Общества любителей изящной словесности выступал в Московском университете. В последующие годы сказитель побывал в Петрозаводске, Ярославле, Рыбинске. Его слушали ученые, представители власти, просвещенная публика и даже зарубежные гости, и он нимало не смущался. Сам сказитель оставил такие слова, написанные не без гордости: «Господь привел быть и сидеть между учеными людьми, и все учтиво принимали»¹⁴.

Сохранились любопытные воспоминания о выступлениях Касьянова в Москве, Петрозаводске, Петербурге, Ярославле. Так, на вечере в апреле 1872 года в Московском университете, по замечанию журналистов, было

¹²Былины. М., 1969. Сборник составлен В. И. Чичеровым. С. 18.

¹³ОГВ. 1872. № 39.

¹⁴Русская старина. 1872. № 12.

«громадное стечение публики»: собрались ученые, коллекционеры, издатели, зарубежные гости, не знавшие русского языка, но пожелавшие познакомиться с «былевыми напевами». На вечере ученые-фольклористы читали доклады (Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, Е. В. Барсов, П. А. Бессонов). Иван Касьянов помог «озвучить» их рассуждения о народном творчестве. Он исполнил былины «Добрыня Никитич», «Как птицы за морем живут», «Наезд литовцев», «Книгу Голубиную». Его слушали с большим вниманием. А в газетах его сравнивали с «живым представителем отжившей старины», «родником отечественных преданий».

На вечере 30 июня 1872 года, состоявшемся в доме олонецкого губернатора Г. Г. Григорьева, присутствовало также довольно многочисленное общество. Касьянов исполнил несколько былин, старину о царе Алексее Михайловиче. В губернской газете была помещена пространная статья об этом вечере и его программе. Корреспондент отметил реакцию аудитории: «Дамы слушали с живым интересом»¹⁵.

Российское географическое общество дало высокую оценку таланту сказителя. В декабре 1871 года он был награжден бронзовой медалью «за изустное сообщение Отделению этнографии нескольких былин»¹⁶.

Касьянов — собиратель народного творчества и краевед

Касьянов был не только сказителем, исполнителем, знатоком местных традиций и обрядов, но и собирателем.

После встречи с А. Ф. Гильфердингом сказитель постарался вспомнить и записать от своих земляков все, что, на его взгляд, могло заинтересовать ученого. Отправленные им в архив Географического общества шесть тетрадей свидетельствуют о том, что ему удалось собрать и записать разнообразные образцы народного творчества: былины, духовные стихи, свадебные обряды и причитания¹⁷.

В. С. Бахтин, подробно изучавший архивные материалы Касьянова, отметил, что записи отличаются «полнотой, точностью и доброкачественны во всех отношениях». Наученный Гильфердингом, Касьянов даже в двух случаях обозначил информантов. Так, духовный стих «О Страшном суде» он записал от слепца Петра Кирилловича Дьячкова, а причет «Невеста встает» — от крестьянской вдовы Настасьи Фокиной из родного Космозера¹⁸.

Материалы из тетрадей Касьянова по каким-то причинам не были использованы Гильфердингом. Л. Н. Майнов напечатал некоторые из них в «Записках Российского географического общества» (1873. Т. 3. С. 517,

¹⁵Олонецкий летописец. Петрозаводск //ОГВ. 1872. N 51. С. 567

¹⁶Награждение медалями от Географического общества // ОГВ. 1872. № 8. С. 87.

¹⁷Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского русского географического общества. Вып. 2. Пг., 1915. С. 906—908.

¹⁸Бахтин В. С. Указ. соч. С. 223.

610—628). Три текста вошли в сборник «Русские былины в старой и новой записи», подготовленный Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером (М., 1894).

И. Ф. Тюменев, два дня беседовавший с Касьяновым, рассказал о топонимических «изысканиях» любознательного крестьянина (Нива. 1897. № 3). Например, название «Толвуя» он трактовал как зима, «Кузаранда» — еловый бор и др. Интересы Касьянова простирались и в область материальной культуры. Он мог оценить художественные и функциональные достоинства предметов быта, сработанных его земляками, а если надо было, то и пропагандировал их, то есть был и собирателем, и экспонентом, и краеведом.

Совсем недавно мне удалось найти каталог Антропологической выставки 1879 года, состоявшейся в Москве. Этнографическую комиссию тогда возглавлял знаток Олонецкого края Е. В. Барсов, с которым Касьянов был знаком. В каталоге указано, что Иваном Касьяновым были представлены на выставку раскрашенная дуга (вероятно, работы его земляка Абрамова) и приспособления для рыбной ловли — ловушка и керевод¹⁹.

Касьянов — биограф и мемуарист

Касьянов, долго примыкавший к беспоповцам, был книгоцеем, имел дома большую библиотеку, включавшую рукописные и старопечатные книги. Он единственный из сказителей оставил написанную им и опубликованную журналом «Русская старина» (1872, № 12) свою краткую биографию, написанную живым и образным языком. В биографии содержатся сведения о родителях, учителе, основных этапах жизни²⁰.

Единственный из сказителей, Касьянов оставил и воспоминания об А. Ф. Гильфердинге, написанные им спустя несколько месяцев после смерти ученого. В них он обрисовывает ученого как скромного, простого человека и тонкого психолога, умевшего найти подход к людям. Во всем тексте много симпатии и уважения к личности ученого, типично заонежских слов и оборотов. Например, то, как Касьянов поначалу «робел», а потом от предложенного чая «поосвежился духом» и начал петь. «Смирный и ласковый» Гильфердинг резко отличался от местных чиновников, которые, по словам сказителя, «наскакивали как звери на рогатину, невзирая ни на какие твои справедливости» (вероятно, Касьянов как волостной судья, имел большой опыт общения с представителями власти).

Касьянов в воспоминаниях изложил и некоторые события тех дней. Так, к Гильфердингу, важному по тем временам гостю из столицы, приходили представиться обельные крестьяне, наследники попа Ермолая.

¹⁹ Антропологическая выставка 1879 года. Вып. 6. Описание предметов выставки Отделения этнографии / Составлено Е. В. Барсовым. М., 1879. С. 9

²⁰ Воспоминания крестьянина об А. Ф. Гильфердинге // Русская старина. 1872. № 12. С. 696—698.

Интересно и то, что Касьянова очень удивило, что ученый заплатил ему 13 рублей (большая сумма по тому времени), и он проникся к «благодетелю» еще большим уважением, дождался его отъезда и по-заонежски «пособил носиться в лодку и проводил глазами, куда было можно видеть»²¹.

О встрече с Гильфердингом в Петербурге, о «чаепитии с генералом» довольно часто упоминают многие исследователи. Но до сих пор эти воспоминания, являющиеся уникальным источником для филологов, этнографов, краеведов, по-настоящему не введены в научный оборот и после 1872 года полностью не печатались.

Потомки Касьянова

Способности Касьянова были частично унаследованы его потомками. У сказителя было два сына — Иван и Петр, и дочь. Петр Иванович служил в армии (был больничным надзирателем), а затем — урядником в Толвуйской волости. В 1897 году он был награжден медалью «За усердие». Принимал участие в приходской жизни²². Сведений о том, что от него велись какие-либо записи, не сохранилось. И не по чину ему было петь.

Больше всего нам известно об Иване Ивановиче Касьянове (1860 — после 1926 г.). Он был зажиточным крестьянином. Имел двухэтажный дом, лавку, где торговал хлебом, бакалеей, овощными товарами. Лавка приносила ему доход до 2 тыс. рублей в год. Он был попечителем Космозерского училища, принимал участие в его деятельности, жертвовал деньги на ночлежный приют, на устройство праздников, закупал продукты и инвентарь.

В декабре 1914 года за многолетнюю благотворительную деятельность Иван Иванович Касьянов был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» на Станиславовой ленте²³.

С Иваном Ивановичем Касьяновым неоднократно встречались местные любители фольклора и приезжие ученые. От него записывал сказки, фантастические новеллы местный учитель, муж его сестры, Петр Осипович Коренной²⁴.

В 1926 году в Заонежье побывала комплексная научно-исследовательская экспедиция под руководством К. К. Романова. Участники экспедиции А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, А. И. Никифоров записали от Ивана Ивановича былину «Вольга и Микула», сказки, а от трех внушек — лирические песни²⁵.

²¹Воспоминания крестьянина...

²²ОГВ. 1897. № 11. С. 1. № 53. С. 2.

²³Национальный архив РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23/234. С. 203—204; Ф. 78. Оп. 1. Д. 67/802. С. 25, 85 об. — 86 об.; Ф. 78. Оп. 1. Д. 75/903. С. 53, 55.

²⁴Коренной П. О. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918.

²⁵Никифоров А. И. Сказочные материалы Заонежья. Л., 1927.

Часть этого материала была опубликована в сборнике «Былины Севера» (М.; Л., 1951. Т. 2), хрестоматии «Русский фольклор» (М., 1938), сборнике «Сказки и предания Северного края» И. В. Карнауховой.

А. М. Астахова позже отметила, что Иван Иванович утратил многое из наследия отца: былину «Вольга и Микула» он сократил со 196 до 95 строк, упустил целый ряд подробностей и уже не пел ее, а сказывал. Любопытно, что, рассказывая о «хитростях-мудростях» Вольги, Иван Иванович добавил от себя: «Раньше волшебники были»²⁶.

В 1937 году от Федора Касьянова, внука Ивана Аникеевича, записывал сказки М. М. Михайлов²⁷.

Спустя почти тридцать лет, после репрессий (в Заонежье пострадали многие, в том числе и родственники сказителя, среди них был и П. О. Коренной), Великой Отечественной войны, летом 1956 года в Космозере побывал ленинградский филолог В. С. Бахтин со студентами. Старый касьяновский дом все еще стоял, но принадлежал он правлению колхоза. У родственников не сохранилось ни книг, ни фотографий. Три внучки Касьянова и правнучки сообщили участникам экспедиции только песни, частушки, фрагменты свадебного обряда²⁸.

В 1978 году и мне удалось посетить старинное заонежское село. Успенскую церковь после долгих лет забвения тем летом реставрировали. Многие жилые дома в селении покосились, жителей было мало. Никто из них не вспомнил имени своего знаменитого земляка-сказителя.

²⁶ Астахова А. М. Указ. соч. С. 80.

²⁷ Гельман В. Указ. соч. С. 3.

²⁸ Бахтин В. С. Указ. соч. С. 223—227.